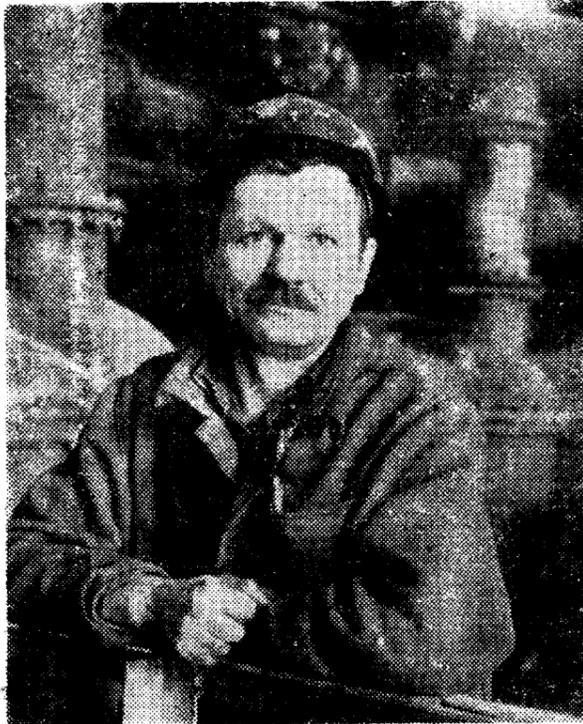

Дело человеком славится

Его рабочий стаж равен времени существования пятого листопрокатного цеха: неумелым новичком он пришел сюда, когда начиналось освоение стана «2500» холодной прокатки. Сейчас Александр Валентинович **КАРДАМАНОВ** — ветеран цеха, старший аппаратчик купоросного отделения.

Это — не первое его рабочее место в пятом листопрокатном: в «Купороске» он всего десятый год. И задача у коллектива, где трудится Кардаманов, обеспечить возможности для качественного травления металла. Со своей задачей он и его товарищи справляются хорошо: серьезных нареканий от смежников нет.

Фото В. Макаренко.

Вопрос — ответ

Почему „безразличка“

Наверное, все на комбинате, да и в городе знают, что металлургам квартирная плата компенсируется нынче суммой, выделенной ММК, в 150 рублей. Оплачивается жилье комбината.

Я сама отработала на комбинате 10 лет, сын и сноха также работают на комбинате, но мы имеем жилплощадь от горисполкома. Так почему же нам нет таких льгот от комбината?

С уважением Нина Петровна **ЕВСЕЕВА**.

Мы обратились к начальнику отдела научной организации труда и заработной

платы комбината Анастасию Николаевну **ЦЫКУНОВУ**.

— В «ММ» мы давали полную информацию о Положении, которое утверждало правила компенсации квартирной платы работникам комбината. Так вот, по этим правилам — 150 рублей перечисляются на лицевой счет металлургов, проживающих в любом жилье, вплоть до частного сектора. Естественно, в данном конкретном случае по письму, деньги перечисляются как и всем, работающим на комбинате.

Оплата больничных

Почему больничный лист оплачивается не из расчета среднего заработка, а не выше двух тарифов?

СКВОРЦОВ, работник ЛПЦ-3. Этот вопрос мы адресовали начальнику бюро расчетной конторы **Елене Александровне САВКОВОЙ**.

— Согласно инструкции ВЦСПС и Инструкции ЦСЗС СССР о порядке выдачи застрахованных

больничных листов в главе четвертой «Исчисление пособий по временной нетрудоспособности, беременности и родам» в № 76 говорится: «Если среднедневной заработок превышает сумму двойной тарифной ставки, то пособие во всех случаях, кроме трудового увечья, профессионального заболевания, отпуска по беременности и родам исчисляется из суммы двойной ставки».

На предприятиях отрасли

На арену выходит „Керамикс“

На Западно-Сибирском металлургическом комбинате накоплен большой опыт по разработке, использованию новых видов огнеупоров в футеровке металлургических агрегатов, внедрению технологии факельного торкретирования, комбинированных процессов вылавки стали. В настоящее время необходимо расширить использование результатов исследований огнеупоров с разработкой новых технологических процессов для производства товаров народного потребления. Эти разработки должны быть доведены до высокой степени готовности, чтобы выпускаемая продукция была конкурентоспособной на внутреннем и внешнем рынке.

Для этого, а также для решения ряда экологических задач, подготовки и обучения высококвалифицированных кадров для производства и науки принято решение о создании на базе огнеупорной лаборатории центральной лаборатории комбината инженерного центра «Керамикс».

(«Металлург Запсиб»).

Сообщает 01

Причина всему одна

В прошедшем месяце в цехах комбината произошло шесть пожаров.

Девятого января — загорание емкости с лаком в пристрое к зданию цеха корпусной мебели мебельного цеха. Причина: нарушение правил противопожарной безопасности при эксплуатации емкости.

Двенадцатого января — пожар на мостовом кране № 7 в стрипперном отделении № 1 цеха подготовки составов. Причина: нарушение разлива металла в изложницы с последующим выбросом металла из изложницы на кран.

Восемнадцатого января — газопровод коксового цеха № 1 коксохимического производства. Пожар произошел из-за нарушения технологического процесса производства, вызвавшего нестритмичную работу газопровода, что привело к разрушению газопровода и вспышке газа. Прямой убыток — 2287

рублей.

Двадцатого января — сгорел строительный домик, принадлежащий огнеупорному производству на территории шамотного отделения № 2. Причиной пожара послужило нарушение правил пожарной безопасности при эксплуатации электрообогревателей.

Двадцать пятого января — возгорание тары на складе метизов доменного цеха сгорела конторка кладовщика внутри склада. При пожаре погиб кладовщик **В. П. Расметьев**. Причина пожара — неосторожное обращение с огнем при курении.

Двадцать шестого января — возгорание тары из-под оборудования в листопрокатном цехе № 9. Причина — попадание раскаленной окалины на обшивку тары. Для сравнения изязову

цифры января прошлого года. На территории комбината произошло семь пожаров, из которых шесть произошло в домиках подрядных организаций СУ-4, СУ-7, СУ-3, «Уралтеплоизоляция» — все на территории строящегося ККЦ. Один пожар произошел в мебельном цехе.

Как видим, «показатели» прошедшего января в шесть раз превзошли прошлогодние цифры. Назову основные причины возникновения пожаров: личная недисциплинированность, грубое нарушение требований технологического регламента работ, правил пожарной безопасности и низкая требовательность руководства и ИТР цехов к персоналу по обеспечению противопожарного режима в производствах комбината.

В. МОЛОШНИКОВ, инженер отряда ВПО,

МОЙ ГОРОД, МОЙ ЗАВОД — МОЯ СУДЬБА

О братьях по перу писать трудно — не принято рассказывать о журналистах на страницах местной печати. А Михаил Егорович Горшков к тому же — журналист необычный. В штат «Магнитогорского металла» он пришел в 60 лет, уже оформив пенсию на прежнем рабочем месте. А место это было — секретарь парткома горно-обогатительного производства. Почти двадцать лет проработал Горшков на выборной партийной должности, а до этого 25 лет был он машинистом экскаватора рудника.

брата воевали, не хотелось отставать. Но начальник рудника Серебряков мальчишеский восторг умерил:

— Какой еще фронт — ни работать, у тебя броня.

Сначала расстроился, а потом стал работать.

— Я, как и многие молодые, думал тогда: вот война кончится, и уйду с рудника. Очень уж тяжело было — по 12 часов работали, иногда по 12 через 12 — туман в голове. А тут еще у меня из-под головы сверток урвали, в нем спецовка была с валенками, новенькое все. С голодухи-то мороз сильнее чувствуется...

Михаил Егорович задумался на минутку, вздохнул:

— Ну, ребята дали мне старую спецовку. Проволокой дыры заматал, а все равно голые ноги торчат. Дал мне Серебряков увольнительную на 3 дня, чтобы домой съездить за какой-нибудь одежкой. Пока шел от него к начальнику управления, душа замерзла.

В первые послевоенные выборы молодого машиниста экскаватора Михаила Горшкова послали выступить по городскому радио. Тогда-то и обратил на него внимание редактор «Магнитогорского рабочего» **Кондаков**:

— Да тебе, парень, писать надо!

Первые заметки за подписью «М. Горшков» начали появляться в городской газете в конце сороковых. А спустя два — три года у рабочего Горшкова появился и свой псевдоним. В 64-м, когда закончил индустриальный техникум, он уже был крепко связан с работой экскаваторщика, и с рабкорской текушкой. Дале был премирован грамотой газеты «Правда». Ездил и на Всесоюзный съезд рабкоров. Потом закончил заочно двухгодичный Всесоюзный лекторий по журналистике и фотомастерству. Всю жизнь боролся в нем противоречивые чувства: все мечтал перейти на постоянную работу в газету — а приглашали его в штат неоднократно, даже тогда, когда был секретарем парторганизации.

Много я бумаги переписал, — с легкой иронией признается Михаил Егорович. — Все — о людях. И поэтому хорошо знаю историю рудника. Всякое было. Как-то в зарисовке назвал своего героя хозяином. Так он с этой газеткой ко всем лез, чуть что не по его — газету в нос: видите, что про меня пишут — я хозяин...

Посмеялся Горшков над этой давней историей и тут же возразил:

— И все же я уверен: порядочного человека похвалой не испортишь. Куда чаще мои герои упрекали меня: ты мне жизнь усложнил, теперь хочешь не хочешь, приходится тянуться до самого себя, такого, какой в газете. Конечно, в журналистской работе психологию людей надо знать, надо всегда в гуще жизни быть, в самой ее стремнине.

Не о себе говорил Михаил Егорович, вообще о газетной работе. Но мы в редакции знаем: это именно о нем.

В. МИНУЛЛИНА.

Стремнина

Как-то даже подсчитал, что своим экскаватором добыл за эти годы до семи миллионов тонн руды. Кроме всего, к тому времени Михаил Егорович уже лет двадцать носил на лацкане пиджака изящный значок с острым стальным перышком, а в кармане — красную книжечку члена Союза журналистов СССР. Пожалуй, он единственный член творческого союза среди партийных работников — во всяком случае в Челябинской области.

Мы в редакции всегда ждем Михаила Егоровича: умного, неторопливого, ироничного. Ждем и его материалов — раздумчивых, проникновенных. Чаще всего он пишет очерки человеческих судеб, близких и дорогих ему самому: ветеранов, фронтовиков, горняков.

С каждым из своих героев Горшков будто проживает всю жизнь с самых первых дней, внимательным взором всматриваясь в глубинную суть событий и явлений. Благодаря ему читатели нашей газеты познакомились с такими удивительными людьми, как «горняцкий Маресьев» **Н. А. Садчиков**, как переживший собственную похоронку «золотенка» **А. Ф. Чуриков**, как извесный всей Магнитке сталевар **А. Грязнов** и многие-многие другие.

Судьба самого Михаила Егоровича сходна с судьбами его героев. Они — люди его поколения, и наверное, потому можно предположить, что, рассказывая о **И. Ф. Ревунове**, **Н. А. Пугачеве** или **Ю. П. Запскалове**, он писал и о себе.

И все-таки я убеждена: каждая жизнь на земле уникальна, сколько бы схожего ни было в биографиях двух ровесников или даже друзей. Ведь не случайно же робкий крестьянский мальчик из-под Соликамска, с детства более склонный к литературе и истории, чем к технике, через все пороги, выставленные на его пути временем, пробился в журналистику, и на равных с теми, кто начал работать в газете сразу после школьной скамьи, вошел в творческий союз.

В большой семье Горшковых старший сын уже «выбился в люди» и работал лесничим на Южном Урале. Хлеба в доме не было, но все же не голодали — спасали картошка со своего огорода, молоко и сметана от единственной коровы. Но после того, как в одну зиму вымерли от голода спецпереселенцы, которым разрешили выстроить рубленные избы в живописном месте рядом с деревней, где жила семья Горшковых, по округе пронесся слух, что весной раскулачат всех, у кого есть хоть одна корова. Односельчане потянулись снимались с обжитых мест, уезжали, ку-

да глаза глядят. Уехали и Горшковы к старшему сыну в Анненск...

Дом их стоял почти на самом берегу озера, и Михаил часто наблюдал, как после трудного рабочего дня мыли в нем руки местные шоферы и трактористы. Тогда, следя за расплывающимися по воде радужными пятнами мазута, он решил, что никогда не выберет для себя такую грязную профессию.

Как знать, может так бы оно и было, если бы не война. Учился-то он легко, без троек. Писал стихи, и братья, которым он читал их, уважительно говорили:

— Быть тебе, Мишка, писателем!

Но с первых дней войны Иван и Василий ушли на фронт, а Михаил, закончив школу, был без экзаменов принят в индустриальный техникум. Прочился лишь два месяца: оголодал. Полкило хлеба, что выдавали на сутки, съедали еще в аудитории, а из дома помощи ждать не приходилось. На родительских плечах оставались две маленькие сестренки и братишка. Вернулся в Анненск, пошел работать плотником вместе с отцом.

Ждал повестки на фронт, боясь, что попадет под «гребенку» в школу трудрезервов. Многие приятели были вынуждены подчиниться трудовой «мобилизации» — повестки в ФЗО боялись почему-то больше воинской. Но однажды, выглянув в окно мастерской, взрослый напарник сказал:

— Глянь-ка, Мишка, — **Вася Прохоров** идет. Кажись, «выключку» несет — плачет сильно.

«Выключка», то есть повестка, была в ФЗО. Так он стал учиться на машиниста экскаватора. Первый самостоятельный день в городе закончился печально: пока спал, из-под головы стянули мешок с материнскими шаньгами.

Вся «теория» горного дела была сведена в сорок втором году к четырем месяцам занятий. И в жаркий день 16 июня Михаил Горшков вышел в свою первую рабочую смену.

— Мой старший, экскаваторщик **Воронин**, мужик с чернушными усами — почему-то все его звали Дедом, — велел мне вместе с ним тащить вверх на гору тяжелую шестерню, — частенько вспоминает Михаил Егорович свой первый день на руднике. — Жара, лестница вертикальная. Старшой идет первым, и ноша лежит у меня на плечах, а рубашку я снял. Еле бреду. Перемазался весь. А когда стал мыться, вместо мыла взял технический вазелин. Потом недели две его с себя сгребал... Думал; пропаду я на этом экскаваторе.

Осеню пришла повестка на фронт. Михаил даже обрадовался: ведь два